

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.13:343.26

П.Н. ПАНЧЕНКО,

доктор юридических наук, профессор

*Нижегородский филиал Государственного университета –
Высшей школы экономики*

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЮРИСДИКЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, вносятся предложения по совершенствованию законодательной регламентации этих мер и их практического применения, формулируются выводы относительно отражения данной проблематики в средствах массовой информации, а также в отношении типичных проявлений обвинительного уклона в данной сфере уголовно-правовой юрисдикции, их причин и мер их преодоления.

(Продолжение)

Нуждается, как мы полагаем, в совершенствовании и такая мера пресечения, как домашний арест. Как известно, Министерство юстиции РФ разработало законопроект о внесении изменений в ст. 107 УПК РФ, регламентирующую данную меру, но, как представляется, нужны дальнейшие шаги в данном направлении. Прежде всего, важно существенно расширить круг обязанностей, возлагаемых на подозреваемого, обвиняемого в порядке применения домашнего ареста. В этот круг следует, как мы полагаем, включить, наряду с запретом или ограничением выхода лица за пределы жилого помещения, его общения с определенными лицами, отправки и получения им почтово-телеграфных отправлений, использования средств связи и сети Интернет (о чем говорится в законопроекте), также запрет или ограничение, в частности, посещения определенных мест, нахождения за пределами района проживания, пользования транспортными средствами. Законодательный перечень возлагаемых

на подозреваемого, обвиняемого, подвергнутого домашнему аресту, обязанностей должен быть, как мы полагаем, открытым. То есть суд следует наделить правом назначать подозреваемому, обвиняемому в порядке применения домашнего ареста *еще и другие обязанности* (запреты и ограничения), соответствующие целям данной меры и, конечно же, закону, другим нормативным правовым актам, принципам и нормам морали и нравственности. При этом закон должен разрешить суду возлагать на лицо с учетом конкретных обстоятельств дела как одну из предусмотренных законом обязанностей, так и несколько, но в любом случае *не все* (в смысле не все, которые перечислены в законе) – в качестве одного из вариантов применения домашнего ареста.

По своему содержанию данная мера пресечения, на наш взгляд, должна быть максимально приближена к такому наказанию, как ограничение свободы (ст. 53 УК РФ). Опасения оппонентов законопроекта относительно того, что домашний

арест в новом его варианте (в варианте, предложенном законопроектом) будет походить на ограничение свободы, напрасны. В конце концов, заключение под стражу тоже во многом напоминает предусмотренное уголовным законодательством лишение свободы (ст. 56 УК РФ), но разве это мешает делу?

Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом выше постановлении использует терминологию УПК РФ, включающую такое понятие, как «причастность/непричастность лица к совершению преступления» (например, п. 20 ст. 5, п. 1 ч. 1 ст. 27). Нам такая терминология не представляется приемлемой, поскольку она не только не заключает в себе какого либо правового смысла, но и буквально размывает содержание других юридических терминов, порождает совершенно недопустимый для права уголовно-процессуальный сленг («фигурант», «подельник», «посадка», «подсадка» и т.д.). Она тем более не имеет права на существование, поскольку вступает в резкое противоречие с принципом законности, декларируемым самим уголовно-процессуальным законом (ст. 7 УПК РФ). Ведь что такое *причастность* к совершению преступления? Это не только его совершение, но и само присутствие на месте его совершения, наличие родственных или иных связей с виновным, не имеющих к совершению преступления какого-либо отношения, высказывание той или иной позиции по отношению к совершенному преступлению или к совершившему его лицу и т.д.

Отступая несколько от узко-юридической проблематики исследуемой темы, подчеркнем, что свобода человека в общепринятом ее понимании, по существу, заканчивается в тот момент, когда он попадает в сферу внимания органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию, приглашается для «разговора» по их вызову, когда такие «разговоры» сопровождаются недвусмысленными намеками на тюремную перспективу. Еще, к сожалению, нередки случаи и прямого запугивания людей такой перспективой. Это происходит не только в силу вполне допустимой следственной тактики, состоящей в разъяснении подследственному того, *что* произойдет в том случае, если он не «расколется», но и в силу ощущения превосходства над людьми, в силу желания продемонстрировать это превосходство, причем

любой ценой, вплоть до самых выразительных форм. Если у следователя в кабинете вывешен лозунг: «Если вы еще не судимы, то это – наша недоработка. Но она легко исправима...», если лексикон сотрудника в обращениях с гражданами пестрит ненормативной лексикой, а также словами типа «посажу на парашу», «сгною», «сделаю петухом», «отдам на растерзание козлам» и т.д., если в отношении граждан необоснованно возбуждаются уголовные дела, то в таких случаях возникает прямой повод для прицельного уголовно-правового реагирования на зло, вызывающее негативную реакцию общества. И здесь вполне закономерны суждения о необходимости дополнения имеющегося уголовно-правового арсенала средств статьями об ответственности за угрозу привлечения к уголовной ответственности, за превышение допустимых мер строгости в ходе допросов, за упрек человека в совершении деяния, наказание в отношении которого уже отбыто и, может быть, даже судимость в отношении которого уже погашена или снята в установленном законом порядке.

С погашением или снятием судимости из базы документальных и электронно-информационных данных должны извлекаться и уничтожаться *все* сведения об осуждении человека. Иначе будут и дальше сохраняться условия для шантажа, коррупции и иных злоупотреблений в отношении граждан со стороны сотрудников органов уголовно-правовой юрисдикции. Есть еще случаи, когда за устранение из электронной базы данных органов внутренних дел сведений о погашенной или снятой судимости коррупционеры требуют до десяти и более тысяч долларов США – с учетом тяжести преступления, в отношении которого судимость уже погашена или снята в установленном законом порядке.

В последние годы в деятельности органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию, к сожалению, отчетливо наблюдается ярко выраженный обвинительный уклон, то есть такое положение, при котором уголовно-правовые средства применяются к *человеку*, который или вообще не совершал никакого преступления, или если и совершал какое-либо из них, но не заслуживал того объема строгостей, которые реально были к нему применены. Пресса все еще пестрит сообщениями о том, что людей до-

вольно часто задерживают и арестовывают без достаточных на то оснований [2, с. 4], применяя при этом иногда к задержанным и заключенным под стражу жесточайшие пытки [4, с. 7; 5, с. 6], доводя порой тяжелобольных, включая женщин, до крайне тяжелого положения, вплоть до летального исхода [6, с. 7].

Многое здесь объясняется тем, что до сих пор работа сотрудников органов, осуществляющих уголовно-правовую юрисдикцию, оценивается не по состоянию правопорядка, а по числу лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Вот и возбуждаются уголовные дела нередко просто на «пустом» месте, без каких-либо к тому правовых оснований. Допустим, кому-то из сотрудников организации показалось, что зарплата у коллеги несколько выше, чем у него. В соответствующую правоохранительную инстанцию тут же поступает «сигнал» (непорядок, мол), которому и дается «ход». То есть начинается проверка на предмет выяснения «что к чему», один за другим следуют вызовы гражданина в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Человек начинает себя чувствовать «меченным», «запятнанным», находящимся «под колпаком». Ему вынужденно приходится искать «ходы и выходы» для того, чтобы как-то «отмазаться» от неизвестно откуда свалившейся на него «напасти». Порой он успевает при этом наделать немало «глупостей», а именно заискивает перед «операми» и «следаками», легко поддается на их намеки о взятке, суетится, сует вымогателям какие-то измятые купюры, дает обещания «и в дальнейшем быть благодарным», ищет «связи», звонит коллегам, приятелям, знакомым, взывает о помощи – «обложили», мол, «выкручивают руки», «берут за горло» и т.д. Одним словом, подает сигнал «SOS».

И хотя шитое белыми нитками «дело» в конце концов чаще всего «лопается», «разваливается», оканчивается «ничем», но, как говорится, «осадок» все же остается в том смысле, что у человека порой надолго (если не на всю жизнь) сохраняется ненависть к нашей уголовно-юрисдикционной системе, представляющей ему страшнее всякого бандитизма, терроризма, экстремизма и прочей самой крутой уголовщины. А подчас не только остается «осадок», но и наступает... летальный исход, обусловленный необоснованной уголовно-правовой юрисдикцией [7, с. 10].

Почему обыватель боится бандита-правоохранителя сильнее, чем бандита как такового? Да потому что первый «ударяет» по человеку открыто, громогласно, от имени государства и самым порочащим образом, а второй действует чаще всего «тихо», «без предупреждения», как бы из-за угла. Впрочем, события 4 ноября 2010 г. в станице Кушевской (Краснодарский край), где в течение примерно часа было вырезано 12 человек (в доме, в котором праздновали День народного единства) [8, с. 7], показывают, что в настоящее время обе эти линии бандитизма (традиционного и в виде «оборотней в погонах») по существу сомкнулись, оформились в единый «кулак», буквально сражающий наповал каждого, кто стоит на пути, проявляет непокорность, не платит «дань» и т.д.

Не единичны и случаи, когда уголовные дела возбуждаются по обращениям высокопоставленных должностных лиц, а затем в судах обвинения не подтверждаются и по ним судами выносятся оправдательные приговоры. Нечто подобное, как можно предполагать, случилось, например, в августе 2010 г. по делу бывшего сотрудника Генштаба Министерства обороны РФ полковника Владимира Квачкова, обвинявшегося в посягательстве на жизнь некогда известного в политических кругах (в основном по приватизационным делам) Анатолия Чубайса, а ныне – руководителя ОАО «РОСНАНО». В конце концов, многократно осуждавшийся по данному делу В. Квачков все же был оправдан судом [9, с. 1, 4], но опять-таки, «осадок» остается. И он связан с вполне закономерным в данном случае вопросом о том, неужели нельзя было сразу во всем до конца разобраться.

Далеко не всегда обоснован жесткий «наезд» на предпринимателей – в особенности избирательный, то есть когда при одних и тех же деяниях и обстоятельствах кто-то из бизнесменов направляется «по этапам», а кто-то из них, используя сырьевой ресурс, дешевизну рабочей силы и благосклонность властей и правоохранительных органов, продолжает беззастенчиво набивать карманы, приобретать дорогую недвижимость, в том числе фамильные замки в разных концах света, летать на собственных самолетах, плавать на собственных яхтах и даже замахиваться на приобретение собственных подводных лодок, проводить беззаботно время в апартаментах вы-

сокопоставленных чиновников. В данной связи, думается, можно как-то понять позицию и мотивы тех политиков (бывших и нынешних), которые время от времени обращаются к руководителям государства с просьбами о помиловании тех или иных подвергшихся уголовному преследованию предпринимателей [10, с. 2]. Можно спорить о том, заслуживают ли последние снисхождения, но накладывать табу вообще на обсуждение в прессе подобного рода вопросов, думается, нельзя.

Дело доходит даже до того, что для «галочки», в погоне за показателями (вот, мол, мы столько преступлений раскрыли) уголовные дела против граждан возбуждаются вообще без всякого их участия. Например, в прессе описан случай, когда в Новосибирске некая Елена Саморукова, получив в 2009 г. высшее юридическое образование, стала устраиваться на работу по специальности (намереваясь принять участие в конкурсе на замещение должности судебного пристава), но ей официально сообщили: ранее вы привлекались к уголовной ответственности, а поэтому допустить вас к участию в конкурсе нельзя.

Из поднятого в архиве уголовного дела удалось установить, что женщина, якобы, вызывалась в 2003 г. в связи с совершением обмана потребителей (соответствующая статья УК РФ – ст. 200 – была признана в конце указанного года – Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. – утратившей силу) в суд (мировой судья – Н.Б. Каминская), давала показания, отказалась от услуг адвоката, отвечала на вопросы прокурора Агеевой, но, в конце концов, раскаялась и поэтому дело было прекращено за примирением сторон. Однако поскольку основание прекращения дела – не реабилитирующее, по милицейским картотекам молодой юрист Елена Саморукова считалась в прошлом преступницей, а поэтому поручать ей работу судебного пристава не полагается.

Кстати, здесь возникает промежуточный вопрос, почему, собственно, не полагается молодому дипломированному юристу занять понравившуюся должность? Даже если бы эта женщина действительно совершила какое-либо преступление, но затем сполна отбыла назначенное за него наказание, то и в этом случае с истечением срока погашения судимости (или со снятием ее «досрочно») она в соответствии с действующими в нашей стране законами вполне могла бы пре-

тендовать на любую должность, вплоть до главы государства¹.

Здесь уже возникает прямой вопрос к службе судебных приставов – к службе, которая, будучи призванной стоять на страже закона, сама же его и нарушает. За подобное обращение с законом виновные лица должны, конечно же, наказываться самым строгим образом, невзирая на ранги, чины и звания. Человек, искупивший вину отбывтием наказания, чист перед законом, государством и обществом в такой же мере, как и любой другой честный, порядочный и законопослушный гражданин.

Справедливость в отношении молодого юриста Елены Саморуковой, в конце концов, восторжествовала, но чтобы это произошло, было затрачено немало времени, сил, нервов. Кстати, вначале все жалобы Е. Саморуковой «натякались» на глухую стену черствости и бездушия сотрудников прокуратуры. «Оснований сомневаться в подлинности и достоверности материалов дела нет», – отвечал на жалобу «преступницы», например, прокурор Октябрьского района г. Новосибирска Андрей Сахаров. В том же духе отвечали на жалобы Елены и сотрудники более высоких прокурорских инстанций. И только после обращения женщины в Генеральную прокуратуру РФ и публикаций по данному поводу в «Российской газете» (в апреле, июне и августе 2010 г.) ситуация вроде бы сдвинулась с «мертвой точки» [11, с. 10]. По крайней

¹ Например, в Украине, то есть в стране, которая, как принято у нас считать, мягко говоря, не блещет уважением к правам человека, на пост президента страны избран человек (Виктор Янукович), который, по утверждению оппозиции, ранее (в далекой молодости) привлекался к уголовной ответственности за какое-то вполне «молодежное» преступление (что-то там было, якобы, связано со взаимоотношениями с девушками). Стала канцлером ФРГ и Ангела Меркель, прошлое которой целиком и полностью связано с бывшей ГДР, где, как сейчас принято считать в Германии, любая карьера была сопряжена с криминалом. Должны, следовательно, и у нас соблюдаться требования закона о безупречности человека, в отношении которого закон проявляет «великодушие» и считает допустимым «прощение грехов». В том числе требования, в соответствии с которыми «погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью» (ч. 6 ст. 86 УК РФ). Обращает здесь на себя внимание, кстати, то обстоятельство, что уголовный закон говорит именно об *аннулировании* негативных последствий судимости, а не об *освобождении* от них. Это, как мы полагаем, имеет прямое отношение к поднятому выше вопросу о терминологии уголовно-процессуального закона, используемой применительно к адекватным ситуациям.

мере, с человека сняли пятно «преступницы», что позволило ей поступить на работу по полученной в вузе специальности.

Пресса, к сожалению, не дала никаких разъяснений в отношении ответственности должностных лиц правоохранительных органов за сфабрикованное ими в отношении невиновной женщины уголовного дела и их попытки придать такой фабрикации «законный» характер, что могло на всю жизнь перекрыть человеку доступ к интересной, важной и нужной профессии.

Не дана и оценка практике пожизненного внесения сведений о судимостях в милицейские картотеки – как и практика пожизненных запретов на профессии, причем по надуманным поводам.

В связи с принятием соответствующего решения о нулевых показаниях алкометра (алкотестера) для водителей сотрудники ГИБДД начали «вылавливать» и тех, кто накануне поездки в беспощадный летний зной 2010 г. осушил, например, у квасной бочки кружку-другую традиционного для россиян прохладительного напитка. Или просто попал под подозрение «на выпивку» – мол, «не так вел себя», «не то говорил» и т.д. Бедные водители доводились при этом порой, как говорится, до белого каления, а иногда и просто, грубо говоря, «отбрасывали копыта» [12, с. 11; 13, с. 10; 14, с. 2].

Продолжаются экзекуции над задержанными в кабинетах органов внутренних дел. Так, в сентябре 2009 г., задержав человека по подозрению в угоне автомашин, двое оперуполномоченных органов внутренних дел по столичному району Фили-Давыдково 27-летний Логунов и 29-летний Павликов (лейтенанты милиции) заковали его в наручники, связали брючным ремнем, надели на голову полиэтиленовый пакет, стали душить, наносили удары в лицо, а затем потребовали 300 тыс. руб. и... «по доброте души своей» отпустили «собирать деньги» на взятку. А тот, хотя и на самом деле занимался угонами машин, обратился, тем не менее, в милицию (не было другого выхода), после чего оба «оборотня» были задержаны. У одного из них, кстати, при задержании были обнаружены два пакетика с героином – 0,32 и 0,61 г. [15, с. 11]. Происшедшее является красноречивым свидетельством того, что если сотрудник милиции занимается одними какими-то видами преступной деятельности (например, злоупотреблениями

должностных полномочий, превышением их, насилием над людьми и той же коррупцией), то он неизбежно втягивается и в другие ее виды, в том числе более опасные.

Необходимо заметить, что доля коррупционной составляющей в числе нарушений, допускаемых уголовно-правовой юрисдикции, – пожалуй, наиболее весомая. Всякие попытки борьбы с коррупционерами в милицейских мундирах все еще наталкиваются на препятствия, а нередко и терпят полный крах. И даже имеют подчас обратный эффект, то есть заканчиваются тем, что на скамье подсудимых оказываются сами борцы с подобными преступлениями «оборотней», в том числе с такими, как взяточничество во всех его проявлениях, включая самые опасные, казнокрадство, прочие злоупотребления и превышения. Обозначившаяся «такса» выхода, например, «взяткоборца» на свободу – 50 тыс. евро [16, с. 63].

Частым мотивом, подталкивающим сотрудников к обвинительному уклону, является, конечно же, не только стремление основательно освободить свои ряды от тех, кто в борьбе с коррупцией, по их мнению, «перегибает палку» (то есть проявляет в этом деле твердость и принципиальность, идя даже на конфликты в «собственном доме»), но и желание продемонстрировать «показатели» – столько-то, мол, «привлечено», столько-то «посажено» и т.д. При этом нередко присутствуют и намерения получить от привлекаемого к ответственности обвинительные показания против неугодных для сотрудников или их «хозяев» лиц. Под суд по надуманным поводам отправляются в связи с этим порой не только чиновничьи «пешки», но и крупные госслужащие, занимающие иной раз высшие посты в регионах.

Например, более трех лет находился в следственном изоляторе бывший вице-губернатор Иркутской области Сергей Воронов. По версии следствия, он снял со счета ГУП «Дорожная служба Иркутской области» 42 млн руб. и направил эти деньги на организацию Байкальского экономического форума. Следствие не учло, что такими полномочиями (снимать деньги со счетов организаций и направлять их куда бы то ни было) чиновник не обладал. Да и реальной возможности проводить подобные операции он не имел. Истинные же мотивы учиненной над высокопоставленным чиновником расправы состоят, как об

этом пишет пресса, в том, что он категорически отказывался давать ложные обвинительные показания против госслужащих, занимающих еще более высокое служебное положение. Искренне недоумевая по данному поводу, пресса на полном серьезе заявляет: «Вот вам и главный привет из 37-го» [17, с. 6].

Приведем статистические данные, свидетельствующие о некоторых признаках обвинительного уклона на досудебных стадиях уголовного процесса. В 2009 г. тремя ведомствами (Следственный комитет, МВД и ФСКН) возбуждено 2 256 613 уголовных дел, а направлено в суд только 568 565 дел (25,2%), в том числе Следственным комитетом возбуждено 196 246 дел – направлено в суд 100 893 (51,4%), МВД – соответственно 2 060 367 и 442 976 дел (21,5%), ФСКН – 99 778 и 24 726 дел (24,8%) [18]. Таким образом, в среднем почти каждые три из четырех уголовных дел (74,8%) возбуждаются у нас при отсутствии у них перспективы «дотянуть» до судебного рассмотрения, то есть практически на «пустом» месте.

За шесть месяцев 2010 г. в судах было рассмотрено 84 766 ходатайств о заключении под стражу, а удовлетворено из них 76 532 ходатайства, что составило 90,3% (удовлетворенных ходатайств – от всех заявленных).

Несколько ниже показатель удовлетворения судами ходатайств о заключении под стражу в выходные дни. За указанный период в эти дни было заявлено 16 465 ходатайств о заключении под стражу, а удовлетворено – 14 551, что составило 88,3%. Как видно, в выходные дни судьи располагали большим временем для более тщательного рассмотрения вопросов о мере пресечения.

По уголовным делам об убийствах и других насильственных тяжких и особо тяжких преступлениях суды удовлетворяют ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в 95% всех случаев. Сказываются, как видно, тяжесть совершенных преступлений и особенности личности обвиняемого, подозреваемого.

Если же следователи ходатайствуют о *продлении* содержания под стражей (то есть просят суд санкционировать избрание этой меры пресечения в отношении человека, который ранее уже был подвергнут этой же мере, а именно уже находился в следственном изоляторе), то суды в таких слу-

чаях оказываются более «сговорчивыми» – дают разрешение на арест в 98% всех случаев обращения с такими ходатайствами [2, с. 9]. Сказывается, как видно, тот факт, что лицо уже находится под стражей.

Об определенном крене судов в сторону обвинительного уклона свидетельствует та же пресса, категорически (может быть, излишне категорически) заявляя о том, что суды «несправедливы, жестоки, а главное – штампуют обвинения, сажая людей в угоду прокуратуре, МВД, КГБ¹ и т.д.». «Оправдательные приговоры, – продолжает цитируемый автор (известный московский журналист А. Минкин), – становятся большой редкостью». По его данным, в первом полугодии 2010 г. суды рассмотрели уголовное дела в отношении 566 300 лиц, а оправдано – всего лишь 4 300 человек, то есть удельный вес оправдательных приговоров составляет всего 0,76% [18]. «И действительно, – продолжает тот же автор, – суды наши очень редко оправдывают. Звучит ужасная статистика: оправдательных приговоров 0,8%... Во времена Николая Первого было 75% оправдательных приговоров, при Сталине – 10%...» [18, с. 1, 3]. Цифры эти, конечно же, весьма впечатляющие, однако здесь не учитывается то, что в настоящее время более половины уголовных дел (примерно 55%) рассматриваются в особом порядке (раздел X УПК РФ), то есть в порядке, вообще исключающем оправдательные приговоры.

И все же обвинительный уклон в деятельности судов есть. И он причудливым образом сочетается с оправдательным уклоном в их деятельности, в частности в случаях, когда речь идет об уголовных делах, возбуждаемых в отношении чиновников. Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка по данному поводу говорит так: «Идет откат от ранее достигнутых позиций. Возрастает число оправданных судами... Почти 8 тысяч представителей государственных и муниципальных органов власти уличены в получении либо в соучастии в получении взятки. Суды за это преступление карают не слишком строго: 55% подсудимых отделываются условным наказанием, 26% – штрафом, а реальные сроки получили 16%...» [18].

¹ Автор в данном случае имел в виду, конечно же, ФСБ, но, по-видимому, в данном случае журналистское желание «предельно заострить проблему» пересилило.

Преобладающий обвинительный уклон в деятельности сотрудников органов уголовно-правовой юрисдикции, а также прямое участие этих сотрудников в совершении различных преступлений против человека, общества и государства [19, с. 4] в сочетании с не всегда высоким профессиональным уровнем работы адвокатов, на что не без оснований указывает пресса¹, а также с резинными и порой явно завышенными санкциями уголовного законодательства (на что тоже обращает внимание пресса [21, с. 9; 22, с. 5]), создает такую обстановку в стране, которая ставит под прямую угрозу те демократические преобразования, что были проведены в системе уголовно-правовой юрисдикции в последние два десятилетия.

Вот почему сегодня необходимо принять достаточно решительные и всеобъемлющие меры для утверждения в уголовно-правовой юрисдикции идеалов свободы, в особенности в юрисдикции, опирающейся на такие меры пресечения, как заключение под стражу и домашний арест.

Список литературы

- Куликов В. Меньше сажать. Подготовлен законопроект, радикально смягчающий уголовные наказания: число заключенных может сократиться на треть // Российская газета. – 2010. – 28 октября.
- Куликов В. Арест на всякий случай. Следователи и адвокаты разберутся, почему так часто подозреваемых отправляют в СИЗО // Российская газета. – 2010. – 21 сентября.
- Козлова Н. Когда арестанту положена вольная. Следственный комитет пересчитал своих и чужих задержанных // Российская газета. – 2010. – 7 октября.
- Богданов В. Трезвый и мертвый. Пыточные методы отрезвления применялись милиционерами // Российская газета. – 2010. – 1 сентября.
- Богданов В. Пытки отрезвляют. В Арзамасе арестованы милиционеры, которые издевались над женщиной // Российская газета. – 2010. – 14 сентября.
- Куликов В. Диагноз – неволя. В столичном СИЗО скончалась тяжелобольная арестантка // Российская газета. – 2010. – 19 октября.
- Лукин В. Заявление Уполномоченного по правам в Российской Федерации // Российская газета. – 2010. – 31 мая.
- Павловская Т. Хапки. Следователи рассматривают рэкет в качестве основного мотива массового убийства в станице Кущевской // Российская газета. – 2010. – 16 ноября.
- Федосенко В. Двенадцать оправдали Квачкова. Присяжные вновь признали его непричастным к покушению на Чубайса // Российская газета. – 2010. – 23 августа.
- Тирмастэ М.-Л. Борис Немцов призвал президента помиловать Михаила Ходорковского* // Коммерсант. – 2010. – 26 октября.
- Рузанова Н. Негласное правосудие // Российская газета. – 2010. – 25 августа.
- Баршев В. Умираешь? Освободи машину. Автоинспектор пытался лишить прав водителя при смерти // Российская газета. – 2010. – 7 сентября.
- Пинкус М., ИONOVA Л. Двухличный инспектор // Российская газета. – 2010. – 15 сентября.
- По полям. Медикам приказано определять трезвость только на основании показаний алкометров (редакционный материал) // Российская газета. – 2010. – 21 октября.
- Милиционеры наказали автоугонщика ремнем (редакционный материал) // Московский комсомолец. – 2010. – 26 октября.
- Алексеевич Д. «Честь не продается!». Он посадил 15 «оборотней» и за это сам оказался на нарах // Аргументы и факты. – 2010. – № 42.
- Юрьев М. Изолятор временного непризнания. Еще раз о проверенных методах «выбивания» нужных показаний под флагом усиления борьбы с преступностью // Независимая газета. – 2010. – 26 октября.
- Минкин А. Сколько надо посадить? От судов люди ждут не статистики, а справедливости // Московский комсомолец. – 2010. – 26 октября.
- Дыбин А. Милиционеры обворовали недограбленный банкомат // Комсомольская правда. – 2010. – 4 октября.
- Куликов В. Защитная реакция. Более 400 адвокатов за год лишены своего статуса // Российская газета. – 2010. – 31 августа.
- Ямшанов Б. Кодекс раскрыли в лоскуты. Молодые юристы предлагают принять новый УК // Российская газета. – 2010. – 16 сентября.
- Юргенс И. От сумы и от тюрьмы. Предприниматель должен жить спокойно, а не ждать приезда «воронка» // Российская газета. – 2010. – 8 сентября.

* Признан иноагентом в РФ с 20.05.2022 / Recognized as a foreign agent in the Russian Federation as of 20.05.2022.

В редакцию материал поступил 30.11.10

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, домашний арест, средства массовой информации, обвинительный уклон, его причины, меры его преодоления.

¹ По данному поводу пресса, в частности, пишет: «За год (2010 г. – прим. авт.) лишились своих корочек более 400 адвокатов. Из них 81 человек «разжалован» за то, что плохо защищали клиентов или вовсе палец о палец ради них не ударили. Еще 78 защитников лишены статуса за нарушение кодекса профессиональной этики...» [20].